

Цзян Яншуй подняла голову и увидела, что Е Цзинь медленно открывает глаза. Возможно, та действительно почувствовала боль, и первое, что она сделала после пробуждения, — попыталась нащупать собственную железу. Однако, разумеется, наткнулась лишь на грубый слой марлевой повязки.

Цзян Яншуй молча наблюдала за ней, искренне не зная, что сказать, ведь в этой ситуации она несомненно была права.

Не обнаружив под пальцами своей железы, Е Цзинь наконец вспомнила: ее искусала Цзян Яншуй! Повернув голову и заметив виновницу рядом, она одновременно испытала злость, обиду и отчаяние, отчего ей стало невероятно тошно на душе.

Глядя на Е Цзинь, готовую расплатиться слезами, Цзян Яншуй поймала себя на мысли, что та смотрит на нее так, словно перед ней жестокий помещик, обидевший чужую молодую жену, а она сама — та самая несчастная обиженная жена.

— ...

Какая же она все-таки ненормальная, откуда вообще берутся такие фантазии в голове!

— Тебе хоть немного полегчало? — с чувством вины спросила Цзян Яншуй.

Она никак не могла взять в толк, как ее вообще угораздило пометить альфу, особенно если учесть, что этим альфой оказалась Е Цзинь!

— Тебя бы саму укусили, тогда бы узнала, легко ли мне! — от злости у Е Цзинь покраснели глаза. Она, чистокровная высшая альфа, и вдруг оказалась помеченной омегой первой! Какая же нелепость!

И вот так Цзян Яншуй отблагодарила своего спасителя? Ответила злом на добро! Как у нее только совести хватило? Разве нельзя было сразу отправить старого Фана? Зачем ей понадобилось совать нос куда не просят и помогать этой неблагодарной?!

Цзян Яншуй осекся. Глядя на ее рассерженные покрасневшие глаза, она замолчала, больше не желая злить девушку — на сей раз она действительно была виновата.

— Что же ты замолчала?! — не унималась Е Цзинь. Понимает ли эта девчонка, насколько важна постоянная метка для альфы?!

— Прости, — искренне извинилась Цзян Яншуй. Она и сама в первый момент не представляла, как вести себя в подобной ситуации, ведь с ней такого никогда не случалось и никаких подходящих примеров для подражания у нее не было.

Е Цзинь коснулась повязки на шее: чем больше она думала об этом, тем сильнее ощущала себя оскорбленной и угнетенной, пока наконец не разрыдалась, точь-в-точь как ребенок, хлебнувший незаслуженного горя.

— Эй, ты чего плачешь...

Цзян Яншуй запаниковала. Она торопливо вскочила, схватила салфетку и попыталась вытереть ей слезы. С чего это та вдруг расплакалась из-за пустяка? Проучившись вместе почти год, она еще ни разу не видела Е Цзинь в слезах...

— Больно... — Е Цзинь чувствовала себя до крайности несчастной.

Цзян Яншуй что, собака по натуре? Зачем так больно кусаться?

Такие действия окончательно выбили Цзян Яншуй из колеи. Салфетка в ее руке оказалась ни к селу ни к городу — вытирать вроде бы надо, но неудобно, и она так и застыла столбом с глуповатым видом.

В сердце Е Цзинь поднялось жгучее чувство обиды. Она больше не чиста! Она потеряла невинность! Она больше не та прежняя непорочная девушка!

— Я еще ни разу не встречалась ни с кем, еще не нашла любимого человека, а ты меня взяла и пометила! Как я теперь буду искать пару? Кто меня такую возьмет?! — причитала Е Цзинь, и от каждой фразы ей становилось все больнее. Она — абсолютная нудистка в плане романтики, у которой даже первых влюбленностей не было, — сразу перепрыгнула к самому финалу, к постоянной метке! Она не могла с этим смириться!

Цзян Яншуй растерянно смотрела на нее. Неужели это ревущее навзрыд создание перед ней — та самая Е Цзинь, что обычно ходила с задиристым подбородком и носом кверху? Та самая высокомерная избалованная девчонка из богатой семьи, сейчас плачущая так бесхитростно и жалко?

Сама не зная почему, в подобной обстановке эта резкая перемена заставила ее испытать неуместное желание усмехнуться.

— Не плачь, это ведь можно смыть метку, — Цзян Яншуй шагнула вперед и осторожно, капля за каплей, стерла с ее лица слезы, произнеся это с легкой беспомощностью в голосе.

Метка поставлена, но между ними не произошло ничего по-настоящему близкого, так что после очищения метки все должно прийти в норму, верно?

К тому же, вспоминая укус в железу... хотя она и не понимала, почему совершила подобное действие, судя по дальнейшему развитию событий, после укуса железы Е Цзинь она, должно

быть, просто отключилась.

А почему отключилась...

Цзян Яншуй втянула носом воздух, уловив слабый остаточный шлейф феромонов, и на мгновение умолкла: наверное, у нее просто слишком слабый организм, раз она вырубилась от банального опьянения...

— Ее можно смыть? — Е Цзинь подняла голову.

Цзян Яншуй опустила взгляд. Из-за слез и без того прекрасные глаза Е Цзинь казались влажными и лучистыми. В их выражении сквозила жажда узнать правду и легкая робкость, а когда она так смотрела на собеседника, то выглядела чистой и невинной, словно лесной олененок, никогда не знавший суеты мирской жизни. В этом погрязшем в материальных желаниях мире такой взгляд был поистине бесценен.

Глядя в такие глаза, Цзян Яншуй сама не заметила, как ее голос смягчился. Бросив использованную салфетку в урну, она тихо произнесла:

— Конечно, можно. Иначе что делать тем, кто получил постоянную метку, но потом решил развестись?

Услышав, что все поправимо, Е Цзинь вдруг смутилась:

— Откуда ты знаешь, что ее можно смыть? С какой стати она, высшая альфа, сама об этом не знала?!

Глядя на неё, Цзян Яншуй вдруг тихонько усмехнулась и спросила:

— Ты что, на биологии вообще не слушала?

Такая элементарная вещь, её же должны знать все, кто хоть пару уроков просидел!

Е Цзинь:

— ...

Да как она могла слушать этот скучнейший урок биологии, где весь класс только и твердил про всякие там альфа-альфа-омега и альфа-бета-омега, словно мантру читали? Исключено, чтобы в такое можно было вникнуть!

Пока они тарасились друг на друга, Фан Цзяхуэй и мать Цзян Яншуй, Цзян Ли, одна за другой вошли в комнату. Рядом с Цзян Ли семенил маленький мальчик лет десяти с копной мягких кудряшек, выглядевший невероятно милым и послушным.

Едва переступив порог, Цзян Ли тут же бросилась к Цзян Яншуй, схватила её за руки и принялась внимательно осматривать, всё ещё не отойдя от пережитого шока.

Она спокойно смотрела телевизор дома, когда ей неожиданно позвонили из школы и сообщили, что у дочери начался Период течки. Это так напугало её, что она тут же помчалась сюда вместе с младшим сыном.

— Малышка, ты в порядке? — с беспокойством спросила Цзян Ли, закончив осмотр.

— Всё хорошо, — Цзян Яншуй покачала головой, опустила голову и потрепала по макушке братишку, который смотрел на неё сияющими глазами. Оказавшись рядом с тем, кому она доверяла, она наконец позволила вырваться наружу спрятанной глубоко внутри растерянности: — Мама, я натворила дел.— М? Натворила дел? — Цзян Ли еще не знала, что натворила Цзян Яншуй. Когда ей позвонили из школы, сказали лишь, что у дочери начался Период течки, не вдаваясь в подробности.

Цзян Яншуй повернула голову и посмотрела на Е Цзинь, вокруг которой суежилась Фан Цзяхуэй, осыпая ту заботливыми вопросами. Опустив взгляд, она тихо произнесла:

— Я случайно поставила кому-то постоянную метку.

Цзян Ли была женщиной изысканной и утонченной. В свои тридцать девять лет она выглядела так прекрасно, что посторонние, стоило им выйти вдвоем с Цзян Яншуй, запросто могли принять их за сестер. Однако сейчас от этой утонченности не осталось и следа: слова дочери едва не остановили у нее сердце. Широко распахнув глаза, Цзян Ли на мгновение лишилась дар речи.

Тем временем Фан Цзяхуэй, осматривая Е Цзинь, нахмурилась, и на ее лице отразилось глубокое беспокойство. Если *та* женщина узнает, что ее сокровище-дочь кто-то запечатал меткой, разве она не взлетит на воздух от ярости?

К тому же, между Цзян Яншуй и Е Цзинь не было никаких отношений. Если пострадавшая сторона решит дать делу ход, за столь опрометчивый поступок с постоянной меткой Цзян Яншуй вполне может даже угодить под суд! Не заставив себя долго ждать, снаружи послышался торопливый топот. И без того плотно не прикрытая дверь распахнулась от сильного толчка, и стоило повеять аромату духов, как рядом с Е Цзинь оказалась женщина с распущенными кудрявыми волосами. Сревоженным лицом она принялась осматривать Е Цзинь.

Увидев её, Е Цзинь словно обрела опору: она поджала губы, заплакала и протянула руки, требуя объятий.

— Ну-ну, моя хорошая, расскажи маме, всё ещё больно? — Е Чанцин тут же заключила Е Цзинь в объятия, гладя её по голове и мягко утешая.

Однако вскоре она заметила неладное. Стоило ей погладить девушку по голове, как волосы в её руке стали заметно выпадать.

Затем все присутствующие воочию увидели, как с головы Е Цзинь свалился рыжий парик, обнажив её собственные гладкие черные волосы. Лишившись дерзкого рыжего обрамления, Е Цзинь вмиг стала выглядеть намного послушнее.

Е Цзинь: «.....»

Все остальные присутствующие: «.....»

— Прости-прости, мама не со зла! — Е Чанцин торопливо подняла упавший парик, пытаясь водворить его на место, но в спешке натянула его кое-как, отчего зрелище стало еще более комичным и жалким. Е Цзинь, которая еще мгновенно назад была готова горько заплакать, от этого фокуса матушки застряла со всей своей обидой в горле: её нельзя было ни проглотить, ни выплюнуть, и от этого у неё покраснело всё лицо.

В глазах Цзян Яншуй, наблюдавшей за этой сценой, мелькнуло подобие улыбки. Кто бы мог подумать, что эта непокорная ярко-красная шевелюра грозы города Цзинъян на самом деле ненастоящая?

Е Чанцин, с видом человека, у которого не произошло абсолютно ничего особенного, сняла с головы Е Цзинь нелепо сидевший паричок и помогла ей расчесать её собственные черные волосы. Заметив на её шее рану, обмотанную марлей в районе железы, она помрачнела, перевела взгляд на стоявшую в стороне девушку и холодно спросила:

— Это ты искусила железу моей дочери?

Под этим взглядом Цзян Яншуй ощутила немалое давление, однако отступить она не собиралась. Сделав два шага вперед, она встала перед Е Чанцин и, поклонившись, произнесла:

— Это я. Простите меня, тётя. Хотя я и не знаю, почему тогда поступила так, но раз уж всё случилось, я готова понести любые последствия.

Низко склонившись, Цзян Яншуй бросила на Е Цзинь виноватый взгляд — в конце концов, она была перед ней виновата. Е Цзинь отвернулась в сторону и шмыгнула носом. С тех пор как она узнала, что метку можно смыть, она уже не так сильно злилась на Цзян Яншуй. Просто ей всё еще было немного неловко общаться с ней, и она не знала, как подобрать слова.

— Ты еще говоришь про последствия! Ты хоть понимаешь, насколько серьезными они будут?! — Перманентная метка! Альфа, получившая метку от омеги, больше почти не реагирует на феромоны других омег. Более того, с Периодом восприимчивости такой альфы может справиться только та омега, что оставила на ней метку! Насколько же губительно это для альфы!

Цзян Яншуй опустила голову и только собиралась что-то сказать, как на ее плечо вдруг опустилась чья-то рука. Обернувшись, она увидела Цзян Ли, на лице которой играла успокаивающая улыбка. Мать мягко произнесла:

— Мама сама поговорит с тетей, а ты ступай к своей однокласснице, пообщайся с ней.

Е Чанцин перевела взгляд на Цзян Ли, и с первого же мгновения ее брови сошлись на переносице.

— Это ты?

Атмосфера в больничной палате стала какой-то странной. Цзян Яншуй проводила взглядом уходящих Цзян Ли, маму Е Цзинь и классную руководительницу, а затем перевела глаза на Е Цзинь. Они встретились взглядами, но обе молчали.

Тем временем брови Е Чанцин были нахмурены так сильно, что казалось, будто ее всё вокруг жутко раздражает.

— Мне плевать, кто ты такая, но ты должна сказать, как собираешься разбираться с тем, что произошло сегодня!

Она доверила школе своего ребенка в целости и сохранности, а та в два счета оказалась помечена! Разве это дело? Ни в какие ворота!

Цзян Ли совладала с собой, отвлеклась от удивления при виде этой женщины и произнесла:

— Случившееся — вина нашей Цзянцзян. Я готова взять на себя все расходы Е Цзинь на очищение метки и последующее лечение, а также нанять хорошего психотерапевта, чтобы он провел с ней курс психологической реабилитации. Я лишь прошу вас не давать этому делу дальнейший ход.

— По-вашему, моя Семья Е нуждается в этой подачке на медицинские расходы? — Е Чанцин вскинула брови, и вид у нее стал довольно грозным.

Цзян Ли на мгновение потеряла дар речи. Разумеется, она прекрасно понимала, что Е Чанцин вовсе не испытывает нужды в деньгах, но что еще она могла сделать?

— Вообще-то, я не одобряю идею того, чтобы эта ученица прямо сейчас избавлялась от метки.
— Тут подала голос школьный врач. Переглянувшись с Фан Цзяхуэй, она продолжила: — Подростки только что прошли через дифференциацию, их феромоны и без того нестабильны, а железа еще очень уязвима. Удаление перманентной метки неизбежно окажет определенное воздействие на организм, особенно в таком юном возрасте, когда железа еще не до конца сформировалась. Если сейчас опрометчиво провести операцию по ее удалению, боюсь, это нанесет железе необратимый вред.

Вот почему она всегда выступала против того, чтобы подростки из-за мимолетной страсти бездумно ставили метки. Это безответственность не только по отношению к себе, но и по отношению к другим.

После этих слов обстановка стала еще более напряженной.

— Выходит, по вашим словам, сейчас проводить операцию по удалению нельзя, и нужно ждать, пока железа полностью созреет? — спросила Е Чанцин.

— Да, — кивнула школьный врач и, заметив, как помрачнело лицо женщины, виновато улыбнулась Фан Цзяхуэй.

Похоже, ее драгоценная девочка действительно вляпалась по-крупному.

Кто такая Е Чанцин? Зеница ока, которую больше всех любит старейшина Семьи Е. Семья Е веками пускала корни в городе Цзиньян, да так глубоко, что стоило им топнуть ногой — и вся страна содрогнется. И теперь кто-то посмел обидеть внучку самого дорогого для нее человека

— разве она не взбеленится от ярости?

Цзян Ли тоже не знала, что сказать. Чтобы железа полностью созрела, должно пройти по меньшей мере года до восемнадцатилетия. Сейчас девочка наверняка ровесница ее дочери — ей всего шестнадцать, впереди еще два года. Но как этот ребенок собирается переживать ежемесячный Период восприимчивости на протяжении этих двух лет?

Альфа, помеченная омегой, в Период восприимчивости будет до безумия жаждать феромонов своей омеги. И хотя блокаторы существуют, толку от них в таком случае будет немного: инстинкты Периода восприимчивости всё равно продолжат ее терзать.

Е Чанцин, конечно же, тоже это понимала, и лицо у нее сделалось страшнее тучи.

— Раз уж ваша дочь натворила таких дел, ей и придется нести ответственность!

Что до того, в чем именно должна заключаться эта ответственность, — ответ напрашивался сам собой. Раз уж Е Цзинь пока нельзя делать операцию по удалению метки, значит, в свой Период восприимчивости Цзян Яншуй обязана находиться рядом и непрерывно снабжать ее феромонами, умиряя ее буйный нрав. Иного выхода просто не существовало.

— Исключено! — наотрез отказалась Цзян Ли. Это было слишком опасно. Разве способна альфа в Период восприимчивости контролировать себя и знать границы? Кто поручится, что она не сотворит чего-нибудь такого, что навредит ее дочери!

— Тогда предложите свой вариант решения проблемы с последующими Периодами восприимчивости у моей дочери, — холодно произнесла Е Чанцин.

Цзян Ли промолчала.

— Давайте сначала присядем и поговорим, — мягко вздохнула Фан Цзяхуэй, отводя их в сторону и усаживая на стулья. Она налила каждой по стакану воды и заговорила: — Обе девочки — хорошие дети, и никто из нас не хотел, чтобы подобное произошло. Давайте спокойно всё обсудим и поищем более удачный выход.

Е Чанцин хмыкнула:

— Более удачный выход? Уже придумали?

Фан Цзяхуэй растерялась.

Если бы она уже что-то придумала, то не стояла бы тут, притворяясь пай-девочкой.

— Знаете, а я считаю, что эти двое отлично подходят друг другу, — неожиданно произнесла школьный врач.

— Что вы сказали? — Е Чанцин повернулась к ней. — Подходят друг другу? С дочерью Цзян Ли? Какая наглецкая шутка!

Хотя дочь Цзян Ли выглядела вполне миловидной особой, сам факт того, что это дочь Цзян Ли, делал этот вариант неприемлемым!

Цзян Ли тоже нахмурилась, глядя на врача, и не понимала, к чему та клонит.

— Вот, взгляните. — Врач подошла к столу, взяла какой-то отчет и протянула им. — Я

проверила их показатель совместимости. Он довольно высок, что доказывает: девочки отлично подходят друг другу. Если бы они действительно смогли завязать отношения и сойтись, разве это не было бы идеальным исходом?

Тогда им не пришлось бы возиться с удалением этой проклятой перманентной метки, и хлопот стало бы куда меньше.

Е Чанцин нахмурилась еще сильнее и опустила взгляд на ту самую бумагу с показателем совместимости феромонов. Девяносто восемь процентов. Для подавляющего большинства людей такой показатель был просто запредельно высоким. Даже у нее самой в свое время совместимость с другой мамой Е Цзинь составляла всего восемьдесят три процента.

Неужели эти две девчонки действительно созданы друг для друга? Она всё еще не могла в это поверить.

Цзян Ли тоже смотрела на бумагу в своей руке, испытывая схожее недоверие.

— Я предполагаю, что ученица Цзян неосознанно поставила перманентную метку ученице Е именно из-за невероятно высокой совместимости их феромонов. Феромоны ученицы Е обладали для ученицы Цзян слишком сильным притяжением, особенно в период течки, когда омега до крайности нуждается в альфа-феромонах. В таких обстоятельствах то, что она пометила ученицу Е, уже не кажется чем-то непостижимым.

В конце концов, для человека с высокой совместимостью чужие феромоны — несомненно, опаснейший наркотик.

Обе женщины на какое-то время замолчали. Переглянувшись, они увидели в глазах друг друга лишь растерянность.

Как ситуация могла зайти так далеко?

Других путей решения не было, да вдобавок ко всему у девочек оказалась такая высокая совместимость. В подобных обстоятельствах возражать и отказываться казалось уже как-то неудобно.

— Этот вопрос касается Цзянцзян, пусть она сама принимает решение и делает выбор, — отвела взгляд Цзян Ли. В конце концов, речь шла о ее дочери, которой потом с этим жить, так что она не могла принимать столь судьбоносное решение за нее.

Е Чанцин смолкла и долго смотрела на Цзян Ли, никак не решаясь произнести окончательное слово.

— Пусть дети сами всё решат, — предложила Фан Цзяхуэй.

Когда они вошли в палату, перед их глазами предстала картина: трое детей сидели вместе, Е Цзинь что-то увлеченно чертила на бумаге с помощью карандаша, а младший брат Цзян Яншуй, Цзян Ди, примостившись у края койки и подперев голову руками, с чистейшим любопытством следил за ее рисунком.

— Мама. — Заметив их появление, Цзян Яншуй встала и по очереди поприветствовала взрослых.

Цзян Ли кивнула, но лицо ее оставалось мрачным:

— Малышка, сейчас есть один вопрос, который мы обязаны с тобой обсудить. Как поступить — целиком и полностью твой выбор.

Цзян Яншуй интуитивно почувствовала, что ничего хорошего это не сулит, но деваться было некуда — пришлось слушать.

— Давайте я сама им всё объясню, — Фан Цзяхуэй взяла инициативу на себя, опасаясь, что если взрослые начнут разговор напрямую, то в процессе сами же и заведутся от злости.

— Дело в том, что...

Фан Цзяхуэй слово в слово, без утайки и прикрас пересказала то, что они только что обсуждали в коридоре, не исказив и не скрыв ни единой детали.

— То есть хочешь сказать, что я пока не могу избавиться от метки? — Е Цзинь бросила рисовать и ошеломленно вытаращила глаза.

Фан Цзяхуэй кивнула:

— Да, если ты сейчас избавишься от метки, это слишком сильно ударит по твоему здоровью, так что мы этого не рекомендуем.

Е Цзинь изумленно моргнула, резко повернулась к точно так же нахмуренной Цзян Яншуй и выпалила:

— Ты что, сама этого не знала?!

Когда эта девчонка уверяла ее, что метку можно смыть, почему она ни словом не обмолвилась о том, что это отразится на здоровье!

Цзян Яншуй на миг онемела — она и впрямь понятия об этом не имела, ведь сама прошла через дифференциацию совсем недавно, да и примеров перед глазами у нее не было.

— Выходит, теперь вы хотите свести нас пару? — спросила Цзян Яншуй.

Раз уж сейчас нельзя сделать операцию по удалению, не означало ли это, что в свой Период восприимчивости Е Цзинь обязана проводить время исключительно с ней?

От этих слов все снова погрузились в молчание.

В тесной больничной палате было не протолкнуться от людей, и воздух наполнился тяжелым, давящим напряжением. Лишь маленький Цзян Ди с копной забавных кудряшек на макушке безмятежно глазел на происходящее. Заметив, что Е Цзинь перестала рисовать, он даже похлопал ее по руке, призывая продолжить.

Е Цзинь: «.....»

— Никто не заставляет вас быть вместе насильно. Просто... если у вас есть такой потенциал, было бы неплохо им воспользоваться, — Фан Цзяхуэй перевела взгляд с Е Цзинь на Цзян Яншуй и тяжело вздохнула про себя. Ну надо же было случиться такому кошмару!